

Две статьи автора объединены темой судеб современной архитектуры в контексте общесоциальных изменений. В первой из них анализируется динамика истории, изменение ритма перемены интерпретации ее хода, рассинхронизация изменений мира и человека. Скорость обновления органически связана со скоростью привыкания. Соответственно, аргументация за или против сохранения или изменения также может радикально меняться. Десинхронизация исторических изменений вырастает в проблему, которую решить может архитектура и градостроительство.

Ключевые слова: архитектура; человек; скорость обновления и привыкания; ритм перемены ценностей; плюрализация жизни; архитектура как источник нового единства. /

Диалектика памяти и привычки: ситуация в архитектуре XXI века / The dialectic of memory and habit: The situation in the 21st century architecture

ТЕКСТ

Александр Раппапорт /

text

Alexander Rappaport

Будущее архитектуры

Словосочетания «будущее архитектуры» и «архитектура будущего» сделались странными клише массовой, а не профессиональной культуры. Возможно, что родились они именно в лоне профессиональной мысли, откуда благополучно переехали в массовое сознание. Парадоксально, что эти дети профессионального сознания, давно покинувшие отчий кров, время от времени возвращаются в родное жилище, и родившее их некогда профессиональное сознание не брезгует своего рода игрой в подобные детские игрушки.

Я обычно воспринимал это как баловство, коренящееся в праздности, нежелании отдаться серьезной работе или просто коммерчески полезной игре со зрителями или читателями. Я даже с энергией, достойной лучшего применения, постоянно высмеивал эти инфантильные грезы как пустое занятие, отвлекающее профессию от своих подлинных дел и проблем. Конечно, в таком высокомерии был своего рода профессиональный снобизм. Говорю «снобизм» без излишнего осуждения или хвастовства. В то же время в этом снобизме присутствует и та высоколобая амбиция, которая была рождена в сословном обществе как прерогатива аристократии, экспроприрована буржуазией в романтизме и уже в марксизме доведена до предела высокомерием якобы пролетарского сознания (на самом деле – сознания, возмнившего себя пролетарским, но ничего общего с реальным пролетариатом уже не имевшего). Теперь, когда марксистская критика массовой культуры потребительского общества сама стала феноменом массовой культуры, когда различие оригинала и пародии было навсегда упразднено, возникает повод стряхнуть с себя пыль былых притворств и задать вопрос: что же в этой массовой культуре, рожденной торговлей и рекламой, политической пропагандой и суевериями, есть подлинно человеческого, того, что никакая идеология до конца вытравить не способна и что так или иначе пропитывает самую изощренную рефлексию? В этой точке я нахожу, как мне кажется, категорию, слово или понятие, которое возвращает архитектуру будущего не проектному или профессиональному сознанию, а иллюзиям или истинам толпы (или салона) – во всяком случае, в том со-

стоянии иллюзии и реальности, в котором они совпадают, то есть в дорефлексивном переживании. И это слово – судьба. Со словом судьба я столкнулся давно: последняя глава моей части книги «Форма в архитектуре» так и называлась – «Судьба».

Тогда судьба мне казалась категорией, близкой к мифу, и в качестве категории теоретической была призвана синтезировать то, что анализ разнимал на части – морфологию, символику и феноменологию архитектурной формы. Это было за десять лет до знаменательного момента – 1 января 2001 года, то есть за 10 лет до перелома тысячелетий. Теперь эта установка мне вновь кажется проблематичной. В новом столетии и новом тысячелетии и миф, и судьба, вероятнее всего, переживут какое-то качественное перевоплощение. Вместе с ним изменится и понимание архитектуры как в обыденной жизни, так и в теоретическом сознании.

Суть перемены – в утрате монистического взгляда на историю и человека. До конца XX века история и человек представлялись нам – в рамках нашей воли и способности воображения – достаточно монолитными. История была единой – во всяком случае, западноевропейская история, и вела она к какому-то идеальному будущему, а человек был скован единством своего тела, имени, веры (конфессии) и дела (профессии), не говоря уже о поле (гендере). Ныне люди гораздо чаще стали все это менять. Профессию заставляет менять сама цивилизация, в которой некоторые профессии вымирают, другие являются на свет. Время позволяет, а иной раз и заставляет менять родину, место жительства: русские едут в Америку, турки – в Германию, жители Азии в Европу и Америку. С огромной скоростью меняется мода, и внуки уже не мечтают надеть на свадьбу бабушкино платье. Меняются философские идеи и концепции. Все меняется, и даже само изменение качественно меняется, восходя ко все более высоким уровням вечных истин. То, что архитектура меняется и в русле истории, и в русле дизайнерской моды, поначалу оставалось незаметным. Казалось, что мода сама становится частью Истории. Авангард начала XX века, прорвавший эту логику истории и слившийся скорости моды и культуры, привел в замешательство и ритмы, и скорости исторических перемен.

The author's two articles are united by the theme of the fate of modern architecture in the context of social changes. The first one analyses the dynamics of history, the change in the rhythm of interpretation of its course, and the mal-synchronization of changes in the world and people. The pace of renewal is organically connected with the pace of habituation. Accordingly, the arguments for or against the preservation or change can also radically change. The de-synchronization of historical changes is a problem which can be solved by architecture and urban planning.

Keywords: architecture; human; pace of renewal and habituation; rhythm of changing values; pluralization of life; architecture as a source of new unity.

Теперь мы меняем все – имена, одежду, дома, страны, зубы, сердца, зрачки, слух – не говоря уже о выборе сексуальной ориентации, пола, смены псевдонимов и имен, перехода из одной веры в другую, из одной идеологии в другую. Перемены несутся с большей, чем когда-либо, скоростью не только в индивидах, но и в профессиях, странах, континентах. Кажется, весь мир пришел в движение.

Какой уж тут монизм, какая статика! Но вот парадокс: увеличивающаяся скорость перемен делает сами эти перемены чем-то постоянным. Статичным. Неподвижным. Что несет нам эта новая неподвижность динамики мира? Мы уже не можем видеть в ней круговые траектории Птолемея и Кеплера. Она теперь по-новому рисует нам сами схемы постижения мира в увеличивающейся доли непознаваемого – черных дырах и темной материи.

Но жизнь человеческая – она конечна. Не исключено, что динамика в сфере биологической антропологии будет дополнена не только продолжением и удлинением сроков, но и многообразием самих синхронных жизней. Раньше двойную жизнь вели секретные агенты. В будущем не исключено, что каждый человек обзаведется двумя комплектами цельных существований, которые будут разворачиваться параллельно, то расходясь, то пересекаясь; у каждого человека, как некогда у Луиса Кана, окажется несколько семей, и в каждой семье будет цвести своя любовь. К этим семьям прибавятся профессии, идеологии – страны и ландшафты. Возникает вопрос: что же будет с архитектурой и подобными символами индивидуальности? На что будет опираться идея единственности жизни и собственного «я»? Родители, дети, родные места, комнаты, дворы, улицы, города, поселки, хижины, любимые места станут сферами многообразия жизни.

Как мне теперь кажется, здесь возникнет подлинная проблема будущей архитектуры как человеческой судьбы и жизни. Не в том, что Л. П. Холодова видит в чудовищах параметрической архитектуры и архитектурной бионики. Не биологическая имитация форм, а жизнь в ее специфически человеческих измерениях.

Вся эта чудовищная идеология гипермашин, за которыми явно просвечивает идеология машиноподобных

социальных структур – все та же тень индустриального мира, в котором человек не только придаток машины и не только раб больших машин, но и экзальтированный поклонник машин, смиренный раб машин, обожающий силу и культ силы.

Идеология личности, данная через силу – сначала техническую, потом политическую и расовую – начнет постепенно сдвигаться к возможности умножения не сил, но индивидуальных судеб, самих возможностей жизни. Это предельно разные динамики – динамизация индивидуальной силы как единой воли одного «я» и динамизация сценариев и репертуаров личного бытия, измерений жизни, не скованных телом и именем.

Трудно сказать, как будет происходить этот сдвиг в индивидуальной плюрализму идентичности и как идентичность в качестве категории единственности смысла станет обретать многообразие и светиться спектрами независимого осуществления.

Здесь начнет выходить на поверхность новый тип плюрализма, не тождественный античному плюрализму божеств.

Но я сейчас не могу продолжать эту фантазию независимо от архитектуры. Мне кажется, что такая плюрализация жизни станет подрывать традиционные устои архитектуры, и в то же время именно в архитектуре я надеюсь угадать источник нового единства жизни и существования.

Иными словами, архитектуре, возможно, уготована участь не простого приспособления к плюрализму, но и роль орудия, не разрушающего этот плюрализм единства.

Это направление проблематизации уже сегодня исподволь проявляется в разных формах непостоянства и интересе к коллекционированию. В частности, в движении за охрану памятников архитектуры, которое исходит уже совсем не из их архитектурной или исторической ценности, а из ценности самого многообразия их индивидуальностей и противостоит нивелирующей стандартизации нынешнего индустриального строительства и проектирования.

Это существование единств на почве событийного и бытийственного многообразия поставит архитектуру не столько в положение функционального приспособления и адаптации, сколько в положение программной парадигматики многомерного существования.

Такой подход не уничтожит, но поглотит и прежние разновидности функционализма, и прежние формы символизма, стилового униформизма и эклектического многообразия.

Для него будет явно недостаточно и всех форм прошлых и нынешних мегаломаний и всех прошлых и нынешних концепций хаоса или пустоты как порождающих начал, трансцендентных этому исторически отживающему принципу внутренней монолитности жизни субъективного «я».

И тогда архитектура обретет ту твердую почву под ногами, о которой сегодня она уже перестала и мечтать, и увидит в архитектуре древности и средних веков то, что не сумела проесть ржавчина Ренессанса и Просвещения.

И тогда категория судьбы обретет совершенно новый и вполне совместимый с плюрализмом смысл призвания человечества к своему космическому своеобразию, не нуждающегося в космической экспансии ни в пространстве, ни во времени.

И будущее архитектуры, столько лет кочующей как беспризорник из профессиональной идеологии в массовую культуру и обратно – обретет свой собственный и неповторимый смысл. Разумеется, эти отношения никогда не были тайной. Новый момент в развитии проблематики и ее включения в корпус теоретических конструкций состоит в том, что ритмология этих взаимодействий становится актуальной для принятия архитектурно-градостроительных решений разных масштабов (как пространственных, так и исторических) и прежде всего – координации процессов изменения этих ритмов и резонансных явлений, возникающих при этом взаимодействиях в глобальном и локальном масштабе ориентаций.

Память и привычка обретают в этом контексте свой новый масштаб и свои новые теоретические модели.

Эти модели получают в дальнейшем свое техническое воплощение и станут базой новых нормативных ориентиров проектирования и исторического исследования. Но еще важнее то, что они необходимо станут новыми феноменами самой антропологии, то есть наших представлений о человеке и обществе.

Наконец, разработка проблем диалектики памяти и привычки может стать важным шагом в понимании миграционных процессов – как возвратных (туризм), так и необратимых – переселения народов. Роль архитектуры и городской среды в этих процессах со временем будет расти, в особенности понимание их роли в движении населения.

Связь человека с местом и средой, влияющая на логику переселения или миграции, в настоящее время может рассматриваться и с точки зрения перемещения самой среды по отношению к месту жизни человека. Архитектура, дизайн и СМИ в этих процессах играют сегодня существенную роль, иными словами, в равной мере определяют нормативные и субстанциальные свойства жизни в мире.

Мир и человек меняются одновременно, но не синхронно, и десинхронизация этих изменений вырастает в проблему, которую ни философия, ни антропология, социология и психология игнорировать не могут.

Но архитектура и градостроительное проектирование в этой системе предметных деятельностей играют, на мой взгляд, не вторичную или периферийную, а центральную роль, ибо в них сосредоточены средства синтеза знаний о мире и технических средств воздействия на мир.

Ситуация в архитектуре XXI века. Диалектика памяти и привычки

Действующий в настоящее время принцип обновления мира, своего рода культ новизны – явление противоречивое. Скорость обновления органически связана со скоростью привыкания. При этом привычка, которая воспета Пушкиным как «замена счастью», не всегда играет столь благополучную роль. Порой привычка вызывает желание изменений. Мы видим своего рода соотношение скоростей обновления и привыкания, итоги которого не про-

считываются в момент принятия решений. При принятии решений обычно новое предпочитается старому, и ждать, пока старое (иногда это может быть и недавнее новое) войдет в счастливую привычку, никто не желает, так как нет уверенности в том, что временно надоевшее недавнее новое в будущем не вызовет обратного эффекта.

Все это говорит о том, что во времени привычное и новое, полюбившееся и надоевшее занимают разные темпоральные горизонты или слои, и логика движения в этих слоях современной теорией архитектуры, теорией моды и культуры не обеспечивается.

Сооружения, которые считались эстетическим балластом и заслуживали сноса, со временем приобретают новый художественный и исторический смысл, и за их сохранение начинается нешуточная борьба. Она интерпретируется в двух разных планах. Во-первых, она может рассматриваться как собственно темпоральная динамика, как диалектика привыкания и надоедания. Этот темпоральный план может трактоваться как независимая склонность психики к консерватизму или новаторству. Второй план – распределение тех или иных темпоральных феноменов между разными ценностными ориентациями социальных групп. Здесь масштабы темпоральности резко изменяются, и ритмы ожиданий перемен или сохранения традиционных (в своем временном масштабе) ценностей резко возрастают, приобретая скорее исторический, чем модный характер. Соответственно, аргументация за или против сохранения или изменения также может радикально меняться. Изменения эти не просто парадоксальны: они отражают сложное переплетение ценностных ориентаций, борьбы классов или соперничества наций. На нашей памяти – изменение отношения к сталинскому ампиру, хрущевским пятиэтажкам, авангарду двадцатых годов, эклектике и стилизации, радикализму и умеренности, принципиальности и толерантности. Все темпоральные и масштабные перипетии имеют прямое отношение и к миру как категории общего мировоззренческого круга и конкретной исторической ситуации. Чтобы задать этой диалектике какую-то меру, приходится вспоминать ритмику сезонных изменений в разных широтах планеты. Смена сезонов демонстрирует ритмы обновлений как самой природы, самого ландшафта, так и диалектику привыканий и надоедания. Первый снег встречается жителями нашей планеты с той же радостью, как и первая трава. И этот ландшафтно-сезонный ритм заслуживает пристального внимания и архитекторов, и дизайнеров. В частности, интересно, насколько весенний сезон в одежде выражает динамику ритмов природы и собственно наступление весенней погоды и в какой мере он сплавляет эти сезонные изменения с изменениями в исторической логике изменения стилей и форм. Ибо исторические изменения возвращаются к прошлым стилям совсем не так, как возвраты к сентиментальному восприятию природы в природных циклах. В смене сезонов мы совершенно не видим больших ритмов геологических и климатических изменений, хотя порой некоторые неожиданности в погоде заставляют наше мышление восстановить понимание изменений геологического масштаба. Ситуативная значимость резонансов сезонных и геологических ритмов в наше время, на мой взгляд, интенсифицируется глобализмом: когда средства массовой информации сделали глобальную оптику доступной всем и каждому, локальные ритмы погоды и природы соотносятся уже и с глобальной стабильностью климата. Истерия по поводу парникового эффекта демонстрирует как раз этот резонанс, пусть и в несколько искаженной форме. Но сам по себе реактивный эффект идеи глобального потепления говорит о том, что в систему сезонных смен входит новый, более крупный масштаб климатических ритмов. Эта диалектика смены сезонов,

моды, стилей и эпох непосредственно связывается и с возрастной демографией. Культ стариков, геронтофилия, геронтофобия и культ молодежи дают примеры аналогичных колебательных процессов. Исключение в этой демографической пульсации составляет младенчество, как бы изъятые из смены моды, исторических стилей и идеологий. Младенчество и глубокая старость остаются своего рода постоянными в системе изменений свойств темпоральных ориентаций. Эти наблюдения кажутся достаточно оторванными от вопросов теории архитектуры. Однако если исходить из предположения о тесной связи архитектуры с онтологией мира, все эти ритмы и колебания, взятые во взаимосвязи их масштабов – пространственных, доходящих до глобальных, и временных, трансцендирующих к вечности. Мы прекрасно понимаем, что попадание архитектуры в сферу дизайна в несколько раз увеличило резонансную зависимость архитектуры или ее восприятия от сезонных или иных частых колебаний вкуса. Мы также не можем не считаться с тем, что дома не могут менять свой вид каждые три месяца¹. Правда, попытки в этом направлении сегодня тоже имеются. Зданиям пытаются придать виды изменчивых природных феноменов – облаков, звездного неба, они покрываются зелеными растениями или просто обретают способность менять цвет с той или иной скоростью. Если видеть в этих попытках стремление связать скорости дизайнерской смены настроений и скорости перемены сезонов, то мы получим подтверждение глубокой онтологической связи архитектуры с природным ландшафтом. Но логика этой связи, в которой возможности сходства и невозможности отождествления в равной мере очевидны, для теории архитектуры сегодня остается в сфере весьма периферийных размышлений. Напротив, борьба за сохранение памятников архитектуры и исторических фрагментов городской застройки, даже если не касаться теоретической проблематики этих процессов, не может скрыть их очевидную интенсивность и радикализм. Удивительно, что этот радикализм, приводящий чуть ли не к уличным демонстрациям и актам сопротивления, (отчасти напоминая акты сопротивления в сфере борьбы с экологическим загрязнением ландшафта) практически не отражается в теории архитектуры.

На мой взгляд, по мере дальнейшего заполнения вакантных территорий строительными объектами доля проектных работ, связанных с реконструкцией и реставрацией, будет расти. Строительство на «пустом месте» исчезнет как исторический рудимент. Пустых мест в глобальной логике ландшафтной этики вообще не останется. А взаимодействие логики места и логики проекта станет в центр проектного мышления. И строительство на пустом месте станет столь же изжитым, как и проектирование на «чистом листе». Философская проблематика «*tabula rasa*» неотвратимо проникает в теорию архитектуры и в логику проектных преобразований мира. Здесь категории памяти и привычки обретают свой новый ритмологический смысл, и вместе с тем восстанавливается проблематика отношений онтологии и гносеологии – то есть картина мира в его собственных свойствах и картина как продукт познания и языковой схематизации мира. Привычка как схема оказывается связанной со схематикой сознания, языка и культуры.

В этой логико-онтологической проблематике невозможно игнорировать архитектуру и градостроительство. Город как факт исторической эволюции культуры становится не только предметом проектной деятельности, но и условием ландшафтно-климатических ориентаций. Иными словами, искусственный подход к архитектуре, городской среде и самому городу вступает в новые отношения с естественноисторическим анализом эволюции мира и картин мира.

1. Исключение составляют медиафасады, но большой вопрос, относятся ли эти технические достижения к архитектуре, которая, как известно, «вещи из камня» (прим. Елена Багина).